

Брови девушки приподнялись, и на губах мелькнуло дерзкое веселье. «Возьмите меня в плен в Мордор, если хотите, милорд. Но позвольте мне уйти, Тар-Майрон...» Принцесса заговорщически приподнялась на цыпочках, пытаясь дотянуться до его острого уха, все еще слишком высоко над ней. Голос у нее был низкий, шелковисто-гладкий, а серые глаза мерцали зловещим весельем.

Наполовину удивленный, наполовину раздраженный Тар-Майрон склонил свою золотую голову в общем заговоре. Но внутри он представил, как сбросит ее с балкона. «Я прослежу, чтобы Горгорот превратился в розарий».

Затем он рассмеялся, горько и насмешливо. «Пожалуйста, скажи, зачем мне это, Ар-Эфелазра».

«Ты художник. Стремление быть окруженным красотой присуще». Она ответила, пожав плечами. «В этом мы не так уж и отличаемся. Только средства массовой информации, которые мы используем». Тогда ее улыбка была мягче. Подлинный. Она отвернулась, глядя на потрясающую панораму белых башен, качающихся зеленых деревьев и кипящих облаков на бледно-голубом небе.

"Если не розарий, то, может быть, ароматную глицинию повесить на окно?"

Тар-Майрон усмехнулся. "Думаю, нет."

«Может быть, тогда что-то прекрасное? Обманчиво, манипулятивно и ужасно красиво?» Она спросила. — Но опасен для тех, кто не уважает его или неправильно с ним обращается?..

— Неуважительно? Как и вы сами, принцесса? Его голос был тихим, веселым и искривленным на губах. Но его золотые глаза мерцали чем-то темным, и на мимолетное мгновение она отвела взгляд.

— Даже так, — тихо признала она. «Но разве такой цветок не был бы более привлекательным? Нечто, обладающее силой спасать и силой разрушать, но стоящее высокое, царственное, прекрасное и кажущееся невинным? Послужит ли такой сад цветов подходящим компромиссом? "

Его глаза блестели, когда он смотрел на нее сверху вниз. «Что это за цветы?»

Таксономисты называют их Великолепной Славой, и они произрастают в Дальнем Хараде. В Арде их называют Славными Лилиями. Местные жители знают их как Пламенные Лилии из-за их огненных оттенков и того, как их лепестки колеблются и поднимаются, как пламя. и выше, почти пылая своей вибрацией, пока не умирают - не темнея и не увядая, а тускнея, как остывающие угли».

Ар-Эфелазра потянулся к вазе, вырвал из воды один такой яркий цветок и поднял его так, чтобы он мог его видеть. Она наклонила голову, глядя на него, в ее глазах было что-то понимающее и насмешливое.

« Я слышал, что люди разводят сады, полные ими, в честь своего бога огня».

Она смело встала на кончики пальцев и смело сунула ему за ухо прекрасный золотисто-малиновый цветок. Его глаза сузились.

« Я предпочитаю думать об этом как о смертоносной красоте, которой она является. Идеальное средство помнить, что волк в овечьей шерсти все еще волк».

Когда она отступала, Тар-Майрон схватил ее за запястье. «Это смелая и смелая овца, которая подберется так близко к пасти хищника». Его хватка не была ни болезненной, ни особенно крепкой, но она знала по опыту, что она была неподвижна и нерушима. Подвешенная, она осмелилась встретиться с ним взглядом, и его глаза горели огнем.

« Может быть, когда я умру, вы скажете своему стаду заблудших овец, что покойника подадут со сладким апельсиновым соусом? Если, конечно, вы сочтете уместным удостоить меня хотя бы мимолетным упоминанием в одной из ваших проповедей. . " "

Он опустил ее запястье, освобождая ее. "Дорогая принцесса, вы стали очень смелы." Его голос был смертельным шепотом.

То ли по глупости, то ли по вызову, она вздернула подбородок, отказываясь пугаться, даже когда ясно видела клыки за любезной улыбкой. «Чтобы иметь с вами дело, мне пришлось. Если это вас не устраивает, возможно, вам следовало больше подумать о последствиях ваших возможностей и подвигов».

С рычанием он схватил ее, и она застыла в ужасе, прежде чем гордость и гнев дернули ее за шею. «Если это вас так беспокоит, тогда используйте свою способность, чтобы изменить это». Его пальцы болезненно впились в ее руки, и насмешливое, фальшивое выражение дружелюбия раскололось и упало, как осколки стекла. Но то же самое произошло и с ее, и они зависли, покачиваясь, когда их опасная игра стала поистине опасной.

« Теперь мы здесь, благодаря твоей руке», — добавила она спокойнее, но, возможно, с самоубийством. — И, милорд, вы это знаете.

Внезапно он залился смехом. С трудом дыша, она оставалась в его объятиях, пораженная внезапной сменой юмора. Его пальцы соскользнули с ее плеч, но он все еще смеялся.

Оно мягко умерло, и глаза Тар-Майрона заблестели, но непроницаемо, когда он встретился с

ее неуверенным взглядом. Однако его ухмылка была пугающей, и она сглотнула, борясь с желанием отойти от него.

Угасающее солнце сквозь блики красного и оранжевого в золотых волосах, и цветок, приютившийся за ухом, горел. Он был прекрасен и ужасен: контраст был столь болезненно очевиден в тот момент, что она заколебалась.

« В Мордор я отведу тебя, если хочешь». Он осторожно выдернул цветок из волос, и его золотые глаза скользнули вниз, к прекрасному цветку, зажатому между его пальцами. — Хотя боюсь, вам это не понравится.

Насмешливо принцесса отвернулась. "Нет. Но вы могли бы." Страх и гнев остыли, оставив ее апатичной, если не наглой. «По крайней мере, у тебя будет еще больше огня, чтобы назвать себя богом».

« Это не моя заслуга». Голос Тар-Майрона был причудливым. «Люди Дальнего Харада слышали от торговцев рассказы о поисках моей цитадели в Руне. Она была окружена огнем, и, увидев это, те, кто назвал меня так... , только усилил неправильное название».

Черная бровь Ар-Эфелазры приподнялась и повернулась к нему, рассеянно откинув с плеча заплетенные волосы. «Зло? От чего люди Руна спасли их?»

Майя запела, и цветок закрутился в его пальцах, когда он повернул голову. "Бывшие слуги Моргота не были добры. Их губительные амбиции и дразги стоили землям экономически, экологически и политически. Я пришел. Я построил. Я призвал их на свою сторону, но они не пожелали быть моими вассалами, и я не ожидал такого. Терпение и милосердие потрачены, я вырвал их из их жалких крепостей, сломал их хрупкие троны и задушил их их хорошенькими коронками ».

" Ты-?"

Выражение лица Тар-Майрона было ностальгическим, его улыбка была искренней, но болезненной от жестокого веселья. «Эти великие владыки среди народа Мелькора построили из себя лачуги по всему югу и востоку, и я понял, что не смогу изгнать их, если останусь в своей крепости, поэтому я покинул Рун, отказавшись от своих прав на землю, и построил для меня большая крепость в Мордоре, где не жили люди. Они видели в этом акт чистого альтруизма, и, признаюсь, я никогда не избавлял их от этой идеи». Он улыбался цветку в своих пальцах. «Крепость по-прежнему стоит величественно, и огни вокруг нее горят, как всегда, но прошло уже много лет с тех пор, как я путешествовал туда и входил в ее ворота. Сейчас она используется дипломатами как место отрицания и передышки. , Хотя какое-то время один из величайших королей Руна,

Его глаза встретились с ее глазами, и его губы изогнулись в насмешливой гримасе. — Я шокировал тебя, Маленькая Овечка? Тар-Майрон полностью повернулся к ней лицом. Закат

мерцал в его блестящих волосах. «Я полагаю, это разумно. В конце концов, было бы бесполезно, если бы западники признали добро, сделанное их врагом. Трудно изображать кого-то злодеем, воздавая должное их героизму».

Он наклонился, пока они не оказались почти на уровне глаз, и она сглотнула, желая, чтобы он отступил. Его голос был медовым, его глаза были подобны идеальным золотым монетам, а его волосы были подобны солнцу. Цветок в его руке лениво крутился, пока он смотрел на нее.

В ее груди колотилось сердце Ар-Эфелазры. Его глухие удары звенели у нее в ушах, и она закусила губу, ненавидя румянец, заливший ее щеки. Он снова манил ее, манил, искушал, и так трудно было устоять. Забудьте о славных лилиях! Тар-Майрон был гораздо коварнее! Она сделала неуверенный шаг назад, отчаянно нуждаясь в пространстве, и его улыбка стала еще слаще и покровительственно-сочувствующей.

— Что скажете, ваше высочество? Его пальцы коснулись ее щеки.

На мгновение она замерла, как статуя, не в силах ни говорить, ни думать. Его пальцы смахнули пыль с черных прядей, вьющихся у ее уха, и цветок зашевелился, вновь появившись пятном живого пламени в ее боковом зрении. Он ловко сунул его ей за ухо, как она положила ему за ухо, жест столь же насмешливый, но по другим причинам.

Сглотнув, принцесса Нуменора сузила глаза и скрестила свою гордость на щите перед собой. Если это была игра, в которую он хотел играть, пусть будет так. Осторожно она придавила бабочек в животе и проигнорировала резкий пульс в горле.

« Ты, как цветок, который теперь покоится в моих волосах. Великолепный, величественный и смертоносный. Способный облегчить боль и страдание, но в равной степени способный причинить их, если не более склонный к этому».

Вдохнув, чтобы собраться с мыслями, она продолжила. «Его корни неопровержимо похожи на картофель, а его семена похожи на маленькие фасоли. Он дразнит каждое чувство восприятия, чтобы заманить своих жертв и защитить себя, как и ты, Господь».

Тар-Майрон отошел, и они стояли, просто глядя друг на друга, а она пыталась понять его, не имея понятия, что он может найти интересного в ее глазах, когда он давно узнал все, что мог желать знать. Тишина, как патока, растеклась между ними, тяжелая и утяжеленная, и становилась все более неловкой.

С большой осторожностью она потянулась к цветку, боясь повредить его, но замерла, когда рука Тар-Майрона двинулась, словно пытаясь дотянуться до нее.

— Тар-Майрон?

" Ничего". Он отвернулся. «Есть кое-что, о чем я должен позаботиться».

Восприняв это как сигнал уйти, Ар-Эфелазра убрала цветок и вернула его в вазу. Почти радостно его желтые, красные и оранжевые собратья, казалось, расстались для него, и внутренне она улыбнулась. Воистину, это были прекрасные цветы.

— Мне заглянуть к тебе за ужином? — тихо спросила она, не отрывая взгляда от изысканных цветов на бледно-зеленых стеблях.

« Конечно». Голос Тар-Майрона пронесся над ней с оттенком эмоций, которые она не могла определить. С удивлением она посмотрела на него. «Это бедный и голодный волк, который рискует своей добычей на волю случая и жадности других».

Ар-Эфелазра рассмеялась, не зная, что именно ее так позабавило. Возможно, это был возможный блеск веселья в его блестящих золотых глазах, или, может быть, это было что-то в том, как он это сказал.

Ухмыльнувшись, она опустила голову. "Иногда я думаю, что ты, может быть, пастух еще." Не дожидаясь его ответа, она ушла, и Тар-Майрон хмуро посмотрел ей вслед.

Разве он не был?

Взгляд его упал на вазу, на огненные цветы, горящие на зеленых стеблях, все до единого, от бутона до состарившегося и увядшего цветка, похожего на маленькие огоньки. Это он уступил, подходящий цветок, и засушливое плато Горгорота, охваченное полем живого пламени, могло бы быть прекрасным, если бы не там, где его армии укрылись от ужасной ярости Ородруина.

Кроме того, в Мордоре было слишком холодно для человека, привыкшего к палящему солнцу Дальнего Харада. Но он задавался вопросом, позволит ли он себе временную потерю ума и ума; разрешив ей уйти, если его маленькая будущая невеста окажется достаточно наглой, чтобы попытаться.

~/~

Лилии, цеплявшиеся за их шпалеры, были коричневыми и увядшими, пораженными отсутствием воды и пренебрежением. Свернувшись калачиком, Феато устроился рядом с массивным, но неглубоким горшком. Его тепло, покоящееся на керамическом ободке, и его пухлое личико, скрытое от глаз и уткнувшееся в сгиб руки.

Лорд Мордора перевел взгляд со своего сына и обратно на увядающие растения, которые совсем недавно горели пламенем собственного производства. Но теперь не было ничего, кроме сухих ломких стеблей и клубней, пригодных теперь только для извлечения их яда.

Без заботы жены они засохли, и в этот момент что-то в его груди сжалось, и все в животе свернулось, как глаза его упали на ребенка, и вместо мальчика из плоти и крови он увидел увядшие разлагающиеся сухожилия, висящие, обмякшие и серый от ломких костей.

"Фрум-об Стрех!" Он поднял мальчика с земли. «Уберите их отсюда! Уберите их! Немедленно!» Он вздрогнул, прижимая сына к груди, пытаясь избавиться от этого образа. Но он там гноился, а вместе с ним и ужасный вопрос поднял свою уродливую голову.

« Неужели он увянет, как растения, без материнской заботы?»

"Нет нет нет." Он застонал, резко напрягшись, когда почувствовал, что мальчик неподвижен в его руках. Лед пробежал по его позвоночнику, ужас и страх вырвались наружу, как вздох. Его сердце колотилось, когда он вставал, внезапно испугавшись того, что он, возможно, прижимал к своей груди: своего теплого живого сына из плоти и крови или скелетные серые останки того, чем был его мальчик.

Сердце забило в горле, он заставил себя посмотреть вниз и увидеть, только облегченно вздохнув, встретив пристальный взгляд серых глаз, ясных, сфокусированных и ярких.

«Фито, Волчонок, ты трогал эти растения?» Он схватил одну из рук мальчика, осматривая его ногти и крошечные пальцы в поисках грязи.

' Это было не по-настоящему. Не было.'

"Нет." — тихо ответил мальчик.

Лорд Мордора взял мальчика за другую руку и осмотрел крошечные пальцы и складки на предмет грязи.

— Отец, ты дрожишь. Беспокойство наполнило голос ребенка, и он крепко сжал свою руку после того, как Лорд Мордора попытался освободить его. "Отец."

— Обещай мне, что никогда не прикоснешься к ним.

Перевертыш Глаза, и Дарк нашел, кого хотел.

"Я обещаю."

Это было обещание, которое мальчик сдержит, поскольку владыка Мордора тихо приказал своим слугам избавить башню от всех растений его жены. Они были мертвы, их красота угасла, а что касается огненных лилий; их яд будет извлечен и сохранен до того дня, когда он понадобится.

Примечание автора: Итак, четвертая и пятая главы идут как по маслу, и я углубился в шестую главу... так что... вы знаете, когда я смогу разобраться с третьей главой, все будет хорошо.  
РОТФЛОЛ

Ирония ранит. А Фрум-об Страх — грубый перевод имени Феато на Черном Наречии. Да... в любом случае.

<http://tl.rulate.ru/book/94610/3178325>